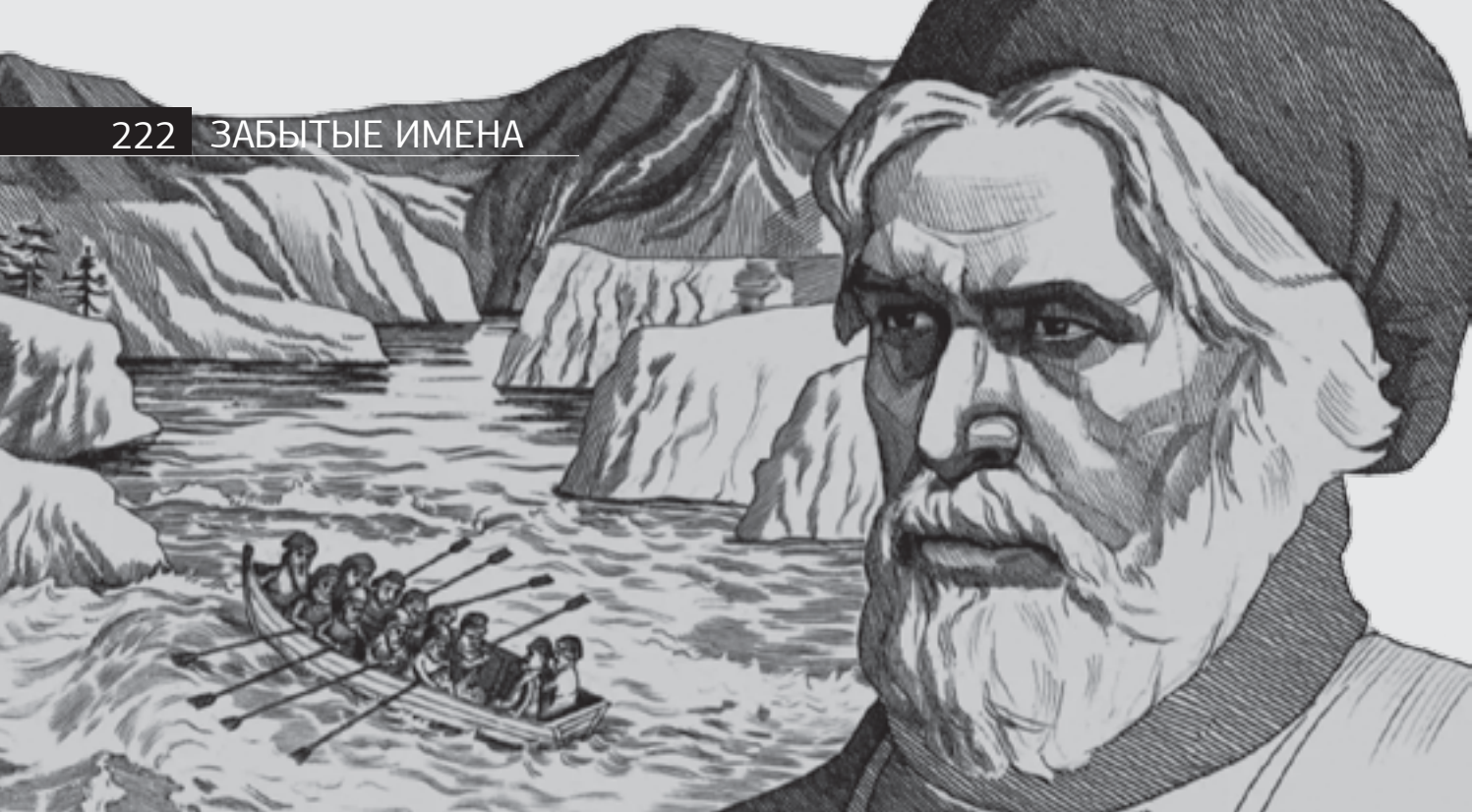




МОРСКОЙ ПУТЬ «В КАМЧАТКУ», ИЛИ ПОДВИГИ АРХАНГЕЛЬСКОГОРОДСКИХ МОРЕХОДОВ (Посвящается 310-летию открытия этого пути)

Сергей ВАХРИН,
г. Елизово

Удивительными мастерами на все руки были сибирские землепроходцы, пришедшие, как правило, с Русского Севера, способные в два притопа, три прихлопа построить капитальное зимовье для жилья, крепкий дощаник для сплава по могучим сибирским рекам и непотопляемый коч для прохождения среди льдов Северного океана.

Тобольские и березовские казаки, с опытом освоения «златокипящей» Мангазеи, преодоления ее речных и морских преград и их собратья из Енисейска, не утратившие еще отцовых навыков, приобретенных на берегах все той же Мангазеи, наладили тот путь, который сегодня прославлен в истории нашего государства как Северный морской, а Семен Дежнев в команде промышленных, торговых и разбойных людей, собранных купцом – холмогорцем Федотом Алексеевым сыном Поповым и тобольским казаком Герасимом Анкудиновым на трех кочах прошли путь, обессмертивший их



имена, — из Северного Ледовитого океана в океан Великий, или Тихий.

Позже, в том же — исторически великом для России — 17-м столетии, этим морским путем удалось пройти только одной экспедиции, которую возглавлял тобольский казак, якутский казачий десятник, приказчик Анадырского острога Иван Меркурьев сын Бакшеев Рубец, отправившийся морским путем из устья реки Лены для смены власти на Чукотке, но, главное, для добычи «рыбьего зуба» (моржовой кости), отчего его экспедиция шла к устью реки Анадырь не на одном, а на двух кочах, на каждом из которых теснились, преодолевая морскую качку, многочисленные промышленные люди из разных уголков Руси, как по привычке называли в Сибири все, что было за Уральским Камнем.

Экспедиция первоначально не удалась — знаменитая анадырская морская корга — лежбище моржей — была пуста: люди Дежнева уже сделали свой успешный бизнес, вывозя пудами моржовую кость на распродажу. И зверь, столетиями обживавший это лежбище, «сошел» на дальние необитаемые острова.

Но именно тогда, в то критическое для промышленников на устье реки Анадырь время, неожиданно и спасительно прозвучало имя якутского казака (в свое время такого же промышленного человека, как и те, что собрались на Чукотке) Ивана Иванова сына Камчатого, который открыл где-то восточнее реки Чендон (Гижики) крупную, богатую лесом и пушным зверьем реку.

И тут же, как искра, вспыхнула идея — а что, если морем пройти на эту реку Камчатого. Собственно, что мы теряем: если с верховий реки Анадырь можно пешим ходом добраться до верховий Чендона, то почему нельзя пройти от устья Анадыря до устья реки Камчатого морем?

Интересная, конечно, логика с позиций современного человека, рассматривающего карту северной части Тихого океана и знающего о том, что, как писал Валентин Пикуль, с замороженного носа Чукотки свисает большая капля в виде полуострова Камчатка. Только вот люди, жившие в 17-м столетии, имели совершенно иное представление о географии и не знали о существовании полуострова и поэтому, по их логике (а еще более по их промысловому аппетиту), им могло и «пофартить» с поиском реки Камчатого.

И «пофартило» — в 1662 году они дошли до устья реки Камчатого (Камчатки, как начали ее те-

перь называть) и оправдали все свои (рухнувшие было на Анадыре) надежды на промысловый успех — были здесь, в долине этой замечательной реки, и лес, и пушнина, и проживали здесь замечательные рыбоеды, которые охотно делились с чужеземцами едой. Соболя, правда, они не добывали, как и другого пушного зверя, но соболя в этих краях водилось немерено, да и был он необычайно высокого качества.

Возвращаясь, Иван Рубец неожиданно оставляет свои кочи в устье реки Анадырь, которые в скором времени сожгут туземцы. Случайно или преднамеренно совершает он этот свой поступок — уже не определишь. Эти кочи были илимской постройки — то есть очень крепкие, надежные, на которых можно было совершить и новые плаванья. Но нужно ли было открывать этот путь для других?

Точно такой же вопрос стоял и ранее, когда в 1639 году на берег Ламского (будущего Охотского) моря ступила нога томского казака Ивана Юрьева сына Москвитина «со товарищи».

Это тоже был прорыв. Более ранний. И более целенаправленный — нужно было успеть оконтурить своим присутствием новые промысловые районы, ибо Томск, будучи городом разрядным, то есть столицей всей той русской земли, что была от него на востоке, сам к этому времени испытывал острый дефицит в ясачной пушнине, да и в собственной выгоде от промысла.

И тогда томичи пошли на прорыв, используя свой административный ресурс, — сформировав команду, они в буквальном смысле прорвались в якутские земли, которые в тот период осваивали с юга енисейские казаки, а с севера — мангазейские, вступая порой между собой в смертоубийственный конфликт, не желая делить добычу — освоенный промысловый район и добытый ясак.

В ста километрах от устья реки Мая в верховьях реки Алдан томские казаки построили Бутальское зимовье и оконтурили промысловый район под свою юрисдикцию, вступив в прямой конфликт с интересами енисейских казаков, которые считали себя законными хозяевами этих земель.

Но томичи пошли и дальше:

«...Посылал на государеву службу томской атаман Дмитрий Копылов томских служилых людей Ивашка Юрьева сына Москвитина да их, казаков, с ним тридцать человек на большое море окян, по тунгускому языку на Ламу. ...Вышли на реку на Улью

на вершину, да тою Ульею рекою шли вниз стругом плыли восьмеры сутки и на той же Улье реки, зделав лодью, плыли до моря до устья той Ульи реки, где она впала в море, пятеры сутки. И тут де они, на усть реки, поставили зимовье с острожком».

Но это, как оказалось позже, не было всей правдой.

Официально это звучит так:

«...за зиму 1639 — 1640 гг. смогли построить два больших морских коча «по осьми сажен» длиной около 17 м. На них москвитинцы решили в 1640 г. по Охотскому морю войти в низовья Амура. Участникам морского похода довелось первыми из русских побывать на р. Удь, пройти мимо Шантарских островов, а потом дойти и до «островов гиялецкой орды», самым крупным из которых был Сахалин. Дойдя до района устья Амура, москвитинцы убедились, что их путь на Амур должен проходить мимо относительно большого поселения нивхов, и они не решились идти дальше из-за своего «малолюдства». Во время плавания летом 1640 г. и на обратном пути казаки собрали ценные сведения об Амуре, его притоках, а также о живших там племенах: даурах, нанайцах, нивхах и о сахалинских айнах».

На самом деле Москвитин открыл якутскому воеводе Петру Головину только часть правды, скрыв главное для планируемого им будущего похода из Томска на Амур, до которого москвитинцы не только дошли, но и устье которого тщательнейшим образом обследовали.

Борис Петрович Полевой, замечательный ленинградский ученый, доктор исторических наук, первым среди исследователей этого похода обнаружил некий подвох:

«Более двух веков (до 1951 г.) историки считали, что москвитинцы далее р. Уды не плавали. Такое впечатление у них создалось благодаря использованию единственного тогда известного документа о походе москвитинцев — «Росписи рек, имяна людем». Но в 1951—1952 гг. произошло неожиданное: дважды была опубликована (к сожалению, с неоправданными купюрами) интереснейшая «скаска» участника похода И. Ю. Москвитина — казака Нехорошего Иванова Колобова, записанная на Ленском волоке в начале 1646 г. Ко всеобщему удивлению исследователей, в ней было сказано: «...до онатырков (т. е. амурских нанайцев) не доходили, а гиялков, которые живут по островам, тех проходили... а то де амурское устье они видели через кошку».

И не только...

«...в 1958 г. впервые в печати было сообщено о замечательной находке московского историка П. Т. Яковлевой — «распросных речах» И. Ю. Москвитина, записанных в Томске 28 сентября 1645 г. При знакомстве с текстом этого ценнейшего документа стало очевидным, что до района устья Амура и до «островов Гиялецкой орды» ходили безусловно сами москвитинцы».

А «Остров Гиялецкой орды» — это остров Сахалин.

А вот и объяснение причины:

«Только недавно найдено простое объяснение этому. Оказалось, что во всем повинно острое соперничество между ленскими и томскими казаками. Якутские власти очень холодно встретили прибывших в 1637 г. в Якутск незваных томичей. Они даже не хотели им выделять «тунгусского толмача». Его пришлось брать насильно. В Сибирский приказ были отправлены многочисленные жалобы якутских властей на томских казаков. А когда москвитинцы вернулись в Якутск, то только что прибывший туда первый якутский воевода П. П. Головин отобрал у них всю пушнину, собранную в ясак (11 или 12 сороков соболей) и потребовал от Москвитина представить «роспись всему его ходу».

Но главная причина заключалась в другом: томичи готовили свой поход на Амур, где, по рассказам местных людей, находилась серебряная гора, но местные революционные события, которые привели томичей к знаменитому Томскому бунту 1648 года, сорвали все их планы, да и на Амур был послан в 1643 году якутским воеводой Петром Головиным письменный голова Василий Данилов сын Поярков, который не только прошел сплавом до устья этой реки, но и совершил морское плавание от устья реки Амур на север до устья реки Улья, где Москвитиним было устроено зимовье.

То есть морской путь от устья реки Улья до устья реки Амур к 1645 году был пройден уже дважды — отрядами Москвитина и Пояркова.

Следующий этап освоения северной части Охотского моря связан уже с экспедицией Михаила Васильева сына Стадухина.

Именно он в силу своего старшинства должен был быть на месте Семена Ивановича Дежнева в той исторической экспедиции, но был задержан

воеводой Головиным за то, что без воеводского наказа самовольно покинул подведомственный ему район Оймьякона.

Попытка же повторить морской путь Дежнева оказалась для отряда Стадухина проблемой неразрешимой: льды перекрыли путь в пролив, который потом назовут Беринговым.

Но он все же прибыл на Анадырь, куда был направлен по «наказу», «сухим путем», а затем, поняв бесперспективность пушного промысла (моржовые корги еще не были открыты) в чукотской тундре, отправился на поиски неведомой реки Пенжины (которую прошел и не заметил, приняв за Пенжину реку Гижигу, назвав первую, в итоге, безлесной, хотя именно на реке Пенжине сохраняется последний таежный остров из ели и лиственницы).

С устья реки Гижиги, построив здесь суда, стадухинцы, несмотря на смертельный риск и потеряв половину своего отряда, смогли достичь устья реки Тауй и основали здесь свое зимовье.

То есть неразведанным русскими казаками-мореходами оставался только небольшой участок побережья Ламского моря от устья реки Улья до устья реки Тауй.

В 1647 году к устью реки Улья прибыл отряд ленских казаков во главе с тобольским казачьим десятником Семеном Андреевым сыном Шелковниковым.

Собственно, шли они по пути, пройденному уже казаками Москвитина, объединились здесь с казаками Пояркова, оставленными им для сбора ясака на устье реки Улья, откуда на построенных здесь кочах отправились дружной командой к устью реки Охоты и общими усилиями построили здесь Охотское зимовье.

Это все известно.

Меньше известно другое.

В 1648 году Семен Шелковников, несмотря на немногочисленность своего отряда, отправляет на север морскую экспедицию из 26 казаков, которую возглавят Алексей Филиппов и Ермил Васильев.

Писатель — историк и географ — Александр Иванович Алексеев дал очень высокую оценку этой морской экспедиции, продолжавшейся три года: «Морской поход Алексея Филиппова и его товарищей Федора Яковлева, Ивана Савина, Андрея Иванова и других замечателен тем, что он явился первым морским походом, совершенным из Охотского острога вдоль северного побережья Охотско-

го моря. Кочи, выстроенные на реке Охоте или на Ураке, сумели противостоять бурному Охотскому морю и с честью выдержали суровое испытание. Наблюдательный Алексей Филиппов оставил интересные записи о местах, посещенных им во время плавания. Эти записи фактически являются первой своеобразной лоцией северо-западного побережья Охотского моря, дошедшей до нас. Полное название записей таково: «Роспись от Охоты реки морем итти подле земли до Ини и до Мотыкляея реки и каковы где места, и сколько где ходу, и где каковы реки и ручьи пали в море, и где морской зверь морж ложится, и на которых островах» [«Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота», Хабаровск, 1958].

Охотск уже был, но море по-прежнему называлось Ламским, то есть попросту «морским морем», так как слово «лама» на языке местных приморских эвенов (ламутов) и обозначало «море».

Эпоха смены названия придет не скоро.

В 1697 году Владимир Владимиров сын Отласов (тогда еще не Атласов) присоединит к Российской империи землю, по которой и протекала по соображениям команды Ивана Рубца река Камчатова (Камчатка) — или Уйкоаль на языке камчадалов.

Пушные запасы Камчатки оказались просто грандиозными. И ясак был богатым. И в значках у приказчиков и казаков оставалось немало.

Не могу удержаться, чтобы не представить некоторые диспропорции. Но не для того, чтобы обозначить алчность и жадность (хотя не без этого), а — реальные пушные богатства Камчатки.

«По данным ведомости Якутской воеводской канцелярии, составленной на запрос Г.Ф. Миллера в 1736 г., с полуострова с 1702 по 1729 г. было вывезено 47 177 соболей, 17 640 соболевых хвостов, 21 659 лисиц, 1360 бобров.

Согласно «рописному списку» 1731 г., составленному ясачным комиссаром С. Вологдиным, за предшествующий год с ясачных, подведомственных камчатским острогам, было взято 1448 соболя, 1129 лисиц, 32 бобра, 12 кошкоков. За 1702–1720 гг. с Камчатки было собрано в «государев» ясак 33 896 соболей. За эти же годы приказчики В. Атласов,

П. Чириков, О. Миронов, А. Петриловский, И. Козыревский и И. Енисейский приобрели для себя 18 189 соболей — больше половины «государева» соболоного ясака за 19 лет».

При этом доля приказчика Ивана Енисейского составляла: «150 сороков соболей, 200 бобров, 5 мехов соболевых, 20 санаяхов бобровых и выдряных, 1 070 лисиц красных, 300 сиводушек...»

Доля приказчика Петриловского была чуть меньше: «Да оборных пожитков Алексея Петриловского 140 сороков с одним сороком 29 соболей, в том числе 154 соболя без хвостов, да в том же числе 3 пластины, 1542 лисицы красные, в том числе и недолисы есть, да 161 лисица сиводущатая, в том числе 16 хребтин, да 169 выдер, в том числе 19 черев выдерых, да 207 бобров, в том числе 97 кошлоков...»

150 сороков — это 6 тысяч шкурок соболя. 140 сороков — 5600 шкурок (точнее, «с одним сороком 29 соболей» — 5629).

К чему эти цифры?

К тому, что традиционный «сухопутный путь» с Камчатки в Анадырский острог, а оттуда в Якутск и Москву в начале 18-го столетия оказался в зоне активной корякско-чукотской войны.

В нашем «историческом» сознании отпечатались русско-чукотская столетняя война, навязанная нам разного рода псевдоисториками. На самом деле, все было ровным счетом наоборот — русские оказались в водовороте корякско-чукотской войны.

Чтобы не быть голословными, дадим слово магаданскому этнологу Людмиле Хаховской:

«...Чукчи — народ воинственный. Свою воинственность они отточили на коряках. Еще один фактор междоусобной войны между народами — это эпизод, когда чукчи постоянно нападали на коряков. Казалось бы, это близкородственные народы. Они связаны единством происхождения, единством культуры. Но тем не менее чукчи долго нападали на коряков. А цель у них была такая: они хотели у коряков отбить оленей. Потому что к этому времени коряки уже овладели оленеводством, у них были олени стада, и они за счет этих стад жили. А у чукчей стад не было. В ходе постоянного вооруженного преследования коряков они выработали у себя такой строй, который называется военной демократией.

...Это означает, что у них были отряды мужчин, которые были постоянно готовы к вооруженному столкновению. Они были вооружены, мобильны, готовы были по сигналу отправиться в военный поход. Это такое состояние общества, повышенной готовности» [Сборник «Интервью о жизни и смерти на Дальнем Востоке», Магадан, 2925, стр. 236-237].

Важно еще и другое — численность юкагигов, которые в XVII столетии занимали господствующее положение на этой территории и были верными союзниками русских в регионе, резко сократилось в результате эпидемии оспы, и эту образовавшуюся нишу начали заполнять в яростной междоусобной борьбе за обладание главного ресурса — стад оленей — коряки и чукчи.

Для нас в данной истории главное заключается в том, что «сухопутный путь» на Анадырь был не просто перекрыт — и коряки, и чукчи, закаленные в своем противоборстве, активно нападали на многочисленные казачьи отряды, грабили казну, убивали или брали в плен и рабство казаков и казачьих детей.

Вот что писал по этому поводу А.С. Сгибнев в «Очерке о главнейших событиях в Камчатке»:

«Это открытие имело важные последствия для отдаленного полуострова. Путь из Якутска до Анадырска совершался обыкновенно около полугода. Не менее того был труден и опасен от немирных инородцев дальнейший путь в Камчатку. Для обеспечения этого сообщения от нападений туземцев и для сбора ясака с сидячих коряк анадырские казаки укрепили бывший Акланский острог и построили новый на р. Олюторе. Из острогов этих для сокращения перехода в Камчатку партии отправлялись водою на небольших судах; чаще из Акланска вниз по р. Пенжине и Пенжинскую губу до р. Тигиля или же из Олюторска к восточному побережью до р. Камчатки. Из Анадырского же острога до р. Черной, впадающей в Пенжину, переезжали обыкновенно дня четыре на собаках или оленях; затем, против устья Черной на р. Пенжине строили из осины лодки сажень 5—5 1/2 длиною, шитые ивовыми прутьями и проконопаченные мохом; паруса делали ровдужные (из оленьей кожи), а вместо якорей служили им большие камни. На этих лодках казаки плыли по р. Пенжине до [казачьего] Акланского остро-

га; отсюда Пенжиною же до коряцкого Акланского острога; потом вдоль берега Пенжинского залива до Тигиля. Но иногда приставали на р. Пустой или Лесной и оттуда следовали до Нижнекамчатского острога сухим путем. Из Тигиля, оставив свои лодки до возвращения, шли на камчатских ботах вверх по р. Тигилю; потом переносили бота (правильнее, баты — суда, выдолбленные из целого древесного ствола. — Ред.) волоком на р. Еловку; спускались по ней на р. Камчатку до Нижнекамчатского острога. На таких же лодках, построенных в Олюторском остроге, казаки плавали вдоль берега по Восточному океану до р. Камчатки».

Историки посчитали, что за период до открытия морского пути на Камчатку в чукотской и корякской тундрах погибло не менее двухсот казаков.

Число большое — весь Якутский казачий полк в этот период был представлен (и в неполном составе) тысячью человек, также понесший от оспенной эпидемии в 1692 году огромный урон — умерло порядка 150 человек. Восполнить же эти потери приходилось за счет гарнизонов других сибирских городов-крепостей, которые не были знакомы с местными условиями и в случае нападения на них чукчей или коряков гибли в числе первых.

Но помимо того, что гибли люди (что в Российском государстве мало кого волновало), пропадал драгоценный ясак — пушнина, которая по тому времени (при отсутствии в стране собственных ископаемых запасов золота и серебра) составляла фундамент государственной казны для торговли с Западом, где сибирская пушнина шла нарасхват и по очень высокой цене.

Из-за риска потери ясака в северной тундре он в течение ряда лет накапливался на Камчатке и в сопровождении большого отряда казаков — сначала камчатских, а потом анадырских (после их смены в Акланском остроге) — доставлялся в Якутск, а оттуда в Москву.

Но в 1713 году весь этот накопленный ясак оказался в руках коряков, а казачий отряд был разгромлен.

И последовал указ царя Петра — отыскать морской путь в Камчатку.

Первым, кому было поручено исполнить этот указ, был сын боярский Иван Семенович Сорокоумов.

Его отец — Семен Дементьев сын Сорокоумов — из енисейских казаков был одним из полярных

мореходов, имена которых в России совершенно забыты. Михаил Иванович Белов, историк, изучавший это — совершенно феноменальное — событие, когда на морских кочах, якутские казаки, торговые и промышленные люди передвигались по всему морскому пространству Якутского воеводства, невзирая на ледовые преграды и разрушительные шторм, терпя кораблекрушения, страдая от голода и холода, добираясь по льду до суши, сообщал интереснейшие подробности тех лет, обнаруженные им в глубинах архивов Якутской приказной избы.

И это не досужие вымыслы:

«Казачий десятник Семен Сорокоумов отправился в 1666 году совместно с 5 другими казаками и 30 торговыми и промышленными людьми на коче из устья Колымы в устье Лены, но из-за льдов не мог его достигнуть: «не дошед до устья Индигирки реки, в голомени в большие льды затерло». Бросив коч, мореплаватели пошли к берегу пешком по льду и достигли конечной цели путешествия — Якутска — сухим путем» [Визе В.Ю., Русские полярные мореходы XVII—XIX вв.].

Семен Дементьевич долгое время служил приказчиком Нижнеколымского острога, где уже в те времена было неспокойно:

«В 1679 г. нижнеколымский приказчик десятник Семен Сорокоумов писал якутскому воеводе: «А в Нижнем ясажном зимовье и по сие число служилые люди живут взаперти от неясашных людей от чухоч» [Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002.]

В 1681 году к тому времени уже пятидесятник Семен Сорокоумов собирал ясак с «оленных и пещих» эвенков Охотского острога

В 1685 году он служил на Индигирке, где и погиб.

Его казачий чин по наследству перешел к сыну Ивану, который в 1709 году, будучи уже сыном боярским, был назначен приказчиком Удского острога с наказом «проведать» близлежащие Шантарские острова.

Иван Семенович не исполнил данный наказ. Не будем вдаваться в причины — их можно было найти великое множество, чтобы обеспечить себе алиби.

Но именно якутскому сыну боярскому Ивану Семеновичу Сорокоумову в 1713 году было поруче-

но исполнить уже не воеводский наказ, а царский указ об открытии морского пути в Камчатку.

И вот тут разворачиваются события, сюжет которых просто невероятен:

«...прибывший в 1713 г. к Охотскому острогу И. Сорокоумов, назначенный руководителем морской экспедиции для поиска пути на Камчатку, ни с того ни с сего (будучи, видимо, в сильном подпитии) приказал обстрелять острог из пушки и фактически взял его штурмом. После этого, забыв о цели своего назначения, предался пьянству и грабежам. Якутским властям пришлось арестовать незадачливого морехода, и Сорокоумов окончил свои дни в тюрьме» [Зуев А.С., там же].

«Отстранен от должности согласно наказной памяти якуцкого воеводы от 3 июля 1714 г. По прибытии вместе с командой 21 августа 1717 г. в Якуцк арестован и отдан под суд. Скончался в остроге в 1718 г.». Рядовые из его команды были сосланы в Анадырский острог» [Казарян П.Л., Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629-1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 190, 191].

И в историю открытия морского пути на Камчатку войдет имя казачьего пятидесятника Кузьмы Соколова, который будет назначен новым начальником экспедиции.

Что мы знаем об этом человеке, открывшим российским мореходам и мореплавателям путь для будущих знаменитых на весь мир тихоокеанских экспедиций?

Почти ничего...

Вполне вероятно, что Кузьма Соколов — сын якутского казака Ивана Михайловича Соколова. Других Соколовых в Якутске того времени нам обнаружить не удалось.

В 1668 году Иван Михайлович Соколов служил на Омолоне в качестве приказчика. Поэтому мы прослеживаем и наследственную причину того, почему Кузьма Соколов был пятидесятником.

Любопытна поручная запись, которая была дана казакам по поводу, вероятно, проштрафившегося Ивана Соколова: «...что ему не пить и не бражничать, по чужим дворам не ходить, жен чужих не бесчестить и ножом ни на кого не замахиваться».

Видимо, для этого были какие-то причины. И мы о них вспомнили не случайно. Дело в том, что существовала байка, согласно которой Кузьма Соколов, будучи в Тобольске, в компании генерал-

губернатора Сибири князя Гагарина «по пьяни» хвастал, что может пройти морем до Камчатки.

Вот что сообщал, например, якутский летописец П. П. Явловский:

«1717 год.

...В августе возвратился из Охотска казак **Соколов**, первый проплывший на небольшой ладье из Охотска в Камчатку по прямому пути. Он находился в отряде дворянина Сорокоумова, который должен был по указу Петра Великого открыть морской путь в Камчатку, но который вместо того занялся в Охотском остроге пьянством, буйством, грабежом и проч. насилиями. Ладья Соколова была построена плотником Кир. Плотником по образцу архангельских, длиною 8 ½, а шириною 3 сажени, с осадкою в воде при полном грузе 3 ½ фута. Она вышла из Охотска в июне 1716 г. под командою штурмана Трески и возвратилась 8 июля 1717 г. Соколов прибыл в Якутск, с одной стороны, с донесением о новом пути, а с другой, чтобы получить обещанные чины и награды, но вскоре по прибытии умер, оставив жену и сына, которой приказано было выдать в виде награды за труды ее мужа соболями шубу и 9 сороков соболей» [Летопись города Якутска].

Сын Кузьмы Соколова — это, по всей видимости, судя по канцелярскому чину, подъячий Якутской воеводской канцелярии Никита Соколов, служивший в период деятельности Второй Камчатской экспедиции.

Да и не был связан пятидесятник Соколов с командой Сорокоумова.

Не был — потому что Наказ, который был дан якутским воеводой полковником Яковом Ельчиным пятидесятнику Кузьме Соколову в Якутске, датирован 1714 годом.

«Лета 1714, июля в 3 день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и по приказу полковника и воеводы Якова Агеевича Ельчина да дьяка Ивана Татаринова память Якуцкого города служилому Козьме Соколову, да **мореходцем, кормицку Якову Невейцыну**, да служилым Михаилу Кривонососу с товарищи.

Итти им из Якуцка в судах реками: Леною, Алданом, Маею, Юдомою до Креста, а от Креста чрез волок до реки Урака и тою рекою Ураком до Охоцкого острогу и до Ламского моря днем и ночью, везде не мешкая ни малого времени, чтоб до Охоцкого

острогу дойти нынешним летним путем. Для того в прошлом 713 году июля в 26 день в указе великого государя за рукою Сибири губернатора князя Матвея Петровича Гагарина в Якуцкой в приказную полату написано: по его, великого государя, имянному указу велено послать из Якуцка на Камчатку сына боярского да с ним служилых 12 человек, прося от господ бога помощи, для проводывания чрез Ламское море камчацкого пути. И по тому великого государя имянному указу послан в тою службу их, детей боярских, Иван Сорокоумов со товарищи. **А в нынешнем 714 году мая в 23 день в указе великого государя за рукою губернатора князя Матвея Петровича Гагарина** в Якуцкой написано: посланы из Тобольска в Якуцкой мореходцы и плотники для строения морских судов — **Яков Невейцын с товарищи 7 человек** — для проводывания прямого ходу чрез Ламское ж море на Камчатской Нос и, построив суды к морскому ходу, также с Камчатки чрез Ламское море тем же путем велено идти в Охоцкой острог.

И по тем вышеписанным великого государя указом ему, Козьме Соколову, с мореходцы и с плотники, и с служилыми людьми, которые написаны под сим наказом, идти из Якуцка вышеписанными реками до Ламского моря днем и ночью, у Ламского моря, усмотря к морскому ходу для строения лесных угоден, **построить теми присланными плотники морские суда** и, прося от господ бога помощи, с теми мореходцы и с плотники, и с служилыми людьми **идти чрез Ламское море на Камчатской Нос без всякого одержания**. И естли содетель Христос бог наш помилует и перейдете на Камчатку, то, не медля многово времени, взяв на Камчатке ведение от государевых людей, из камчатских острогов идти тем же путем на Ламу и в Якуцкой. И естли по милости божией возвратятся в целости, то зело по его, великого государя, милостивому обещанию пожалованы все будете великою его царского величества милостию и переменены чинами, и повышены многим числом, окладами и дачею в приказ его, великого государя, жалованья, и богатством будете уснабжены. Буде же по воли Христа бога нашего в той посылке и кончину животу своему примете, надеяние на него, содателя всех Христа бога нашего, что он, содетель наш, даст вам во оном веце живот вечный; предела сего смертного никакая плоть минути не может, и о сих посланных всегда просити будет церковь божия, чтоб, прося

себе от Христа помощи, шли в тот путь по повелению его царского величества без всякого сомнения, а надежду б имели, что он, всего содетель, не оставит вас своего ради имени. А оставшие жены и дети не будут оставлены, по указу его царского величества уснабжены будут.

И по его, великого государя, указу велено дать вам в Якуцком для того морского ходу и по росписи мореходцев: Якова Невейцына с товарищи, всякие судовые морского ходу припасы, и порох, и свинец. А какие припасы и много ли пороху и свинцу, о том написано в росписи, ниже сего. А те припасы и порох, и свинец велено до Охоцкого острогу везти того Охоцкого острогу прикащику с служилыми людьми, чтоб отнюдь нигде никакой остановки не учинить, и идти в тот камчатский путь чрез Ламское море без всякого сомнения. А буде вы в том пути учнете нерадение и мешкоту чинить для каких своих прихотей или, не хотя великому государю служить, в тот путь вскоре не пойдете, или, не быв на Камчатке и не взяв на Камчатке от государевых людей ведения, возвратитесь, и за то вам по указу великого государя быть в смертной казни без всякого милосердия и пощады, потому что сия посылка и служба вам учинена по его царского величества имянному указу и денежное, и хлебное, и соляное жалованье дано вам полное. **А буде Иван Сорокоумов чрез Ламское море с служилыми людьми не пошел, и вам посланных с ним служилых людей и всякую казну и припасы у него, Ивана, принять, а ему, Ивану, с той службы отказать, и взяв тех служилых с посланными с нынешними служилыми и с мореходцы, и с плотники, в тот назначенной камчатской путь чрез Ламское море идти всем без всякого медления**. К сей памяти великого государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всяя Великия и Малыя и Белыя России самодержца, печать.

Да тебе же, Козьме, с товарищи, как вы пойдете от Охоцкого морем на Камчатской Нос, много ли дней или недель до того Камчацкого Носу пойдете и в том морском пути буде явятца какие жилые острова: те люди какой веры, и под чьим владением, и какую битву и богатство имеют, также буде явятца пустые острова, много ли по смете мерою и какой зверь описывать имянно и чинить чертеж всему. А по возвращении с той Камчацкой земли идти в Якуцкой и те описные росписи и чертеж подать в приказной полате.

Роспись мореходцах, и плотником, и служилым людям.

Матрос Андрей Яковлев сын Буш, Яков Невейцын, Никита Тряска [Треска].

Плотники: Кирило Плоских, Варфоломей Федоров.

На Ламе постройка морских судов, плотников Ивана Каргапола, Михайла Кармакулова отпустить в Якуткой.

Служилые люди: пятидесятник Михайло Кривосов (за сим имена 12 человек).

Роспись морского ходу судовым припасом: якорь железной весом 5 пуд, якорь железной весом 4 пуда, якорь железной весом 3½ пуда; 600 аршин на парус холста тонкого; 4 спуска снастей мерою по 110 сажен, спуск 90 сажен, весом всего 20 пудов 20 фунтов; 5 спусков тонких веревок мерою 110 сажен, весом 16 пуд 10 фунтов; 2 спуска по 110 сажен, весом 4 пуда, на фонари и на компасы 15 фунтов слюды; 4 человеком дано 4 пицали, по 1½ рубля пицаль; порошу 1 пуд 20 фунтов; свинцу 3 пуда 2 фунта; 8 напарей больших и средних, 9 топоров, 4 долота, 2 пазника, 3 теслы, 5 скобелей, 20 сверл, 4 кляпика, 3 пилы круглые, 28 ведр смолы» [Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб., 1885, кн. 2, с. 37-40].

В очерке «Охотск — ...», на который мы уже ссылались, Александр Иванович Алексеев дает краткое описание того открытия:

«Мореходы прибыли в Якутск 23 мая 1714 г., а 3 июля уже вся экспедиция во главе с Соколовым отправилась из Якутска в Охотский острог. По прибытии туда Соколов прежде всего отправил в Якутск продолжавшего бездействовать Ивана Сокоумова вместе с его командой, а сам энергично принялся за организацию похода. Было приступлено к закладке судна типа северных мореходных лодий. Для этого выбрали место в 75 верстах вверх по течению реки Кухтуй. Там образовалось плотбище, получившее название Соколовского. Постройкой судна руководил **Кирилл Плоских с помощниками Иваном Каргополем и Варфоломеем Федоровым**.

Весь 1715 г. прошел в усиленных сборах к экспедиции и в постройке лодьи. На следующий год работу закончили, и в мае 1716 г. лодью спустили на воду. Она была сделана «наподобие русских лодий, на которых прежде сего из Архангельского города

ходили в Мезень, в Пустозерский острог и на Новую Землю». Судно было прочным, хорошо держалось на волне и слушалось руля. Длина его составляла 8 1/2 сажень, ширина — 3 сажени. Осадка в полном грузу 3 1/2 фута. Получилось настоящее морское судно с учетом современных требований. Оно было во многих отношениях лучше, мореходнее, чем строившиеся здесь до того кочи и боты-однодеревки. Это было первое морское судно, созданное русскими мастерами на берегах Тихого океана. Охотский острог стал родиной отечественного судостроения на Дальнем Востоке.

Лодья получила название «Восток», что вполне соответствовало ее назначению. К июню 1716 г. экспедиция была готова к отправлению в далекий поход. Мореходом экспедиции, или, говоря современным языком, штурманом, был поставлен **Никифор Моисеев Треска**. В состав команды входили **мореходы Яков Власов Невейцын и Андрей Буш, плотник Варфоломей Федоров и 21 человек служилых во главе с Михаилом Кривосовым**.

В июне 1716 г. «Восток» вышел из первого русского тихоокеанского порта Охотска в первый поход по Охотскому морю на Камчатку.

Несмотря на компас, имевшийся на лодье, мореплаватели плыли в видимости берега, который все время смотрел на них своими угрюмыми высокими скалами, редко перемежающимися небольшими песчаными пляжами и речными долинами. Одно неосторожное движение в управлении судном — и можно было оказаться в опасном соседстве с каменистым берегом. Особую осторожность надо было соблюдать и потому, что никаких мореходных карт Охотского моря не было. Приходилось больше доверяться собственному «морскому чутью» и рассказам служилых, уже бывавших в этих местах. В таких условиях самой ответственной была роль мореходов во главе с Никифором Треской.

Мореплаватели благополучно прошли до Тауйской губы, правя все время на северо-восток. Так добрались до реки Олы. Выйдя оттуда за полуостров, называемый теперь Кони, решили по-прежнему править на северо-восток, но тут судно попало в полосу свежего ветра, дувшего по направлению к Камчатке, и, подхваченное им, вскоре оказалось неподалеку от устья реки Тигиль, на виду мыса Утколокского (или, может быть, Омгона). Берег оказался крутым и каменистым, жителей не было видно, и потому подходить к берегу не решились.

Но не так скоро удалось попасть на землю. Охотское море оправдало свою славу бурного, изменчивого моря. Ветер переменился, задул с большей силой и отнес путешественников снова к противоположному — охотскому — берегу, почти туда, откуда они пришли. Чтобы не выбросило на берег, пришлось отдавать якорь и отстаиваться в ожидании прекращения шторма.

Когда погода, наконец, улучшилась, судно снялось с якоря, **добралось до устья реки Тигиль и встало там на якорь**. Несколько казаков пошли к видневшимся вдалеке юртам. Но, очевидно, напуганные видом приближающегося к берегу судна, жители разбежались. В 13 юртах никого не было, и казаки возвратились. Судно снова снялось с якоря и через день **подошло к устью реки Хариузовки**. Здесь подойти к берегу не удалось, и, проведя всю ночь в море, судно на следующий день прибыло **к реке Ича**. И тут также не оказалось ни одной живой души. Даже юрт здесь не увидели.

Тронулись в дальнейший путь вдоль берега. У **реки Крутогоровой** казаки встретили «камчадалскую девку, которая на поле собирала коренья на пищу». С ее помощью разыскали камчадалские юрты, в которых оказались и казаки, собиравшие ясак. Некоторые из них служили проводниками при вводе судна **в устье реки Компаковой**. О возвращении обратно в Охотск в этом году не могло быть и речи. Решили остаться на зимовку. За это время можно было основательно подготовиться к переходу в обратный путь, учтя опыт прошедшего похода. Но уже теперь можно было сказать, что первое мореходное судно выдержало испытание».

Что же известно нам сегодня о ВЕЛИКИХ русских мореходах, открывших морской путь в Тихий океан?

В лучшем случае, всего несколько строк в «Морском биографическом справочнике Дальнего Востока России и Русской Америки»:

«Треска Никифор Моисеевич (? — ?), мореход, уч.нескольких эксп.по иссл. Охот. моря и Курильских о-вов. В 1716-17 на лодье «Восток» вместе с якутским казаком К. Соколовым отк. мор. путь вдоль побережья из Охотска на Камчатку. В 1718-19 входил в состав эксп., организованной сиб. губ. М.П. Гагариным по указанию Петра I (так наз. Большой Камчатский наряд, или эксп. Ельчина). Позднее служил в команде Охот. Правления и плавал на Курильские о-ва. В 1739 как опытный корм-

щик уч. эксп. М.П. Шпанберга в Японию и описи Юж. Курильских о-вов».

О Якове Власовиче Невейцыне, который был старшим в команде мореходов-кормщиков, в этом словаре... ни строчки.

Как, собственно, и об Андрее Буше.

Вот что нам удалось найти о нем в других источниках:

«Первым известным ссыльным, оставившим заметный след в истории Камчатки, был Андрей (Генрик) Яковлевич Буш — выходец из Голландии. Он принимал участие, по крайней мере, в четырех экспедициях на Камчатку. Буш в молодости служил матросом на кораблях различных европейских стран, а в начале XVIII в. нанялся в рейтары (наемные конные войска) в Швецию. Участвуя в Северной войне, он в 1706 г. под Выборгом попал в русский плен и был сослан в Сибирь. В 1714 г. Буш был направлен в Охотск матросом в экспедицию К. Соколова, организованную по указу Петра I для поиска морского пути из Охотска на Камчатку. Он участвовал в строительстве первого русского морского судна на Тихом океане — «Восток». Вместе с Н.М. Треской и Я.В. Невейцыным летом 1716 г. он привел «Восток» на Камчатку, открыв тем самым морской путь из Охотска. По возвращении с Камчатки в 1717 г. «матрос Андрей Яковлев сын Буш» снова значится первым в списке Большого Камчатского наряда — вновь организованной экспедиции под руководством полковника Я.А. Ельчина. В 1720-1721 гг. А. Я. Буш снова на Камчатке в составе первой русской научной экспедиции геодезистов И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина, организованной Петром I для поисков Америки. Он командует судном «Восток» в плавании из Большерека вдоль Курильской гряды. Экспедиция дошла до острова Симушир, положив на карту 14 Курильских островов. Позднее А.Я. Буш неоднократно плавал на Камчатку в составе экспедиции А.Ф. Шестакова — Д.И. Павлуцкого. О большом опыте Буша и прекрасном знании им западного побережья Камчатки свидетельствует подштурман И. Федоров (будущий первооткрыватель Аляски) в доношении штурману Я. Генсу о плавании бота «Восточный Гавриил» из Охотска на Камчатку осенью 1730 г.: «Сентября 25-го дня... дошли мы до Камчацкого берегу против устья Воровской реки, которое место опознал мореход Андрей Буш», «28 сентября... подошли мы к камчацкому берегу, и мореход Андрей Буш опознал на оном берегу устья реки Крутогоровой».

О дальнейшей судьбе А.Я. Буша известно очень мало. 7 августа 1735 г. он просил уволить его за старостью. Отставка ему была дана. Известно, что в 1736 г. его видели в Якутске ходившим по миру, то есть нищенствующего».

Практически ничего мы не знаем и о тех казаках-мореходах, которые участвовали в открытии этого морского пути, открывая совершенно новую эру в истории мореплавания в России на Тихом океане.

Пятидесятник Михайло Кривонос в последствии был приказчиком Охотского острога и участником морской экспедиции Шестакова-Павлуцкого. Последние сведения о нем связаны уже с экспедицией Шестакова-Павлуцкого. Поэтому вполне возможно, что в ее составе были и другие участники открытия морского пути «в Камчатку».

Есть упоминания о плотнике Варфоломее Федорове, которому было поручено строительство шитика «Фортуна» в 1726 году и который считался уже местным охотским жителем.

Совершенно другая судьба ожидала архангелогородских мореходов Кондратия Федоровича Мошкова и Ивана (отчество пока неизвестно) Бутина.

В «Морском биографическом справочнике Дальнего Востока и Русской Америки» Мошкову присвоена слава первооткрывателя морского пути в Камчатку:

Мошков (Машков) Кондратий Федорович (? — после 1732), архангельский помор, мореход, иссл. Охот. и Беринг. морей. В 1713 по распоряжению Петра I как опытный мореход переведен в Охотск, куда прибыл летом 1714. В 1716 на лодье «Восток» под ком. К. Соколова откр. мор. путь вдоль побережья из Охотска на Камчатку и обслед. ряд мест на зап. побережье п-ва. В 1718-19 в эксп. Я.А. Ельчина (Большой Камчатский наряд) плывал на Шантарские о-ва. В 1720-21 был кормщиком в эксп. И.М. Евреинова — Ф.Ф. Лузина на Курильские о-ва. В 1728-29 на боте «Св. Гавриил» уч. в 1-й Камчатской экс. И плывал под команд. В. Беринга в Чукотское море. В 1730-31 на том же боте плывал в Охот. море. Летом 1732 на «Св. Гаврииле» под ком. И. Федорова плывал из Нижнекамчатска к Берингову прол. 21 августа мореп-ли первыми из европейцев достигли побережья Сев. Америки в р-не м. Принца Уэльского».

Слава Никифора Моисеевича Трески как первооткрывателя морского пути на Камчатку Никифору Моисеевичу ни к чему. Ему хватает и собственных мореходных подвигов и открытий.

Благодаря ему были нанесены геодезистами Евреиновым и Лужиным на карту полтора десятка Курильских островов.

В 1730 году экипажем бота «Святой Гавриил», который привел в устье реки Амур Кондратий Мошков, было обследовано устье и установлено, что оно ГОДНО для прохождения морских судов:

«...в устье большом Амурском глубины от 15 до 20 сажен, а ширины например версты две. ... И оной Амур река впала в акиан двумя устьями: а глубина другому устью от 5 до 6 сажен, а ширина версты полторы. И на тех устьях делали апробацию: в большом устье шли ботом, а в другом шлюпкою и в тех устьях стояли на якорях полторы сутки для вышеявленной меры устьев и для рыбной ловли» [Гольденберг Л. А. «Между двумя экспедициями Беринга», Магадан, 1984, стр.69].

Интересен вопрос: каким образом Кондратий Мошков оказался в числе членов экипажа бота «Святой Гавриил» в Первую Камчатскую экспедицию?

Почему интересен?

Да потому, что это напрямую связано с отказом Витуса Беринга идти к устью реки Камчатки через опасные Курильские переливы (как называли в те времена Курильские проливы с непредсказуемыми суолями).

А в 1728 году был написан наказ:

«Камисару Тарабукину.

По получении сего... шкиперам Кондратию Мошкову Ивану Бутину... на судне, которое посылается круг Курильского Носу десять человек служилых людей против ниже присланного реестра

РЕЕСТР СЛУЖИЛЫМ ЛЮДЯМ

Астафьев Иван

Дружинин Михайло, он же Ивтиев

Евлампьев Петр

Икорников Алексей

Карюка Федор

Курочкин Иван

Лепихин Михайло

Попов Дмитрий

Салмин Иван, он же Кудрин

Усов Сава, кузнец» [РГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д.110, л. 47]

И архангелогородские мореходы Кондратий Мошков и Иван Бутин БЕСПРЕКОСЛОВНО выпол-

нили этот «наказ» и благополучно в течение шестнадцати дней совершили первый в истории отечественного мореплавания переход из устья реки Большой в устье реки Камчатки, создав основу для появления на Тихом океане третьего морского порта России.

А 21 августа 1732 года именно мореход Кондратий Мошков, участник Первой Камчатской экспедиции, привел бот «Святой Гавриил» к берегам Большой земли — Аляски, как первоначально именовали Аляску, поставив жирную точку в вопросе, заданном императором Петром Берингу, сошлись ли между собой земли Азии и Америки.

Не штурман Иван Федоров, смертельно больной, прикованный к постели, привел к американским берегам русское судно, а мореход Кондратий Федорович Мошков.

Как же отблагодарила страна архангелогородских мореходов?

Читаем старинные документы о судьбе первооткрывателя морского пути:

«Треска, на вышеоб[ъ]явленной оклад определен и от бывшего сибирского губернатора князя Гагарина, токмо не в казачью службу, но в морскую с протчими мореходами к самому нужному сысканию для проводывания прямого ходу чрез Ламское и Пенжинское моря на Камчатской Нос, что и тогда оной морской путь сыскат[ъ] весма был надобен, которой он и проведаль. И как всем здесь известно, что он, Треска, до присылки туда штурманов первой человек морем прошел на Камчатку с прикащиком же Козмою Соколовым и показал ход другим. Да и по присланному Ея Императорского Величества ис Правительствующаго Сената указу, писанному мая 15 дня 1732 году, мореходы не отставлены, но велено им быть с протчими морскими служителями».

К чему это?

А к тому, что за период с момента ареста сибирского генерал-губернатора Гагарина архангелогородцы не получали своего законного жалованья и жили кто на что горазд:

1736 год:

«А жалован[ъ]я оному Треске произведено по требованию нашему от Якуцкой воеводской канцелярии за прошлые годы с 727 по прошлой же 735 год за включением произведенного от Вас ныне на 734 год муки 10 пуд 35 фунтов, сухарей 30 фунтов, а имянно хлебное все по окладу ево сполна, ржи по пяти четвертей, соли по два пуда на год денгами по якуцкой

цене. А денежное из окладу ево из сорока рублей, да ис кормовых ис пяти рублей выдано половинное на цот Охоцкого правления, а не все по означенному ево окладу для того, что по требованию нашему Якуцкая воеводская канцелярия ответствовала, что он, Треска, определен на об[ъ]явленной оклад от бывшего сибирского губернатора князя Гагарина, которые де все учиненные им, князем Гагариным, оклады по присланному блаженные и вечностойные памяти Его Императорского Величества указу ис Таболской земской канторы получены в Якуцке мая 31 дня 723 году, велено отставит[ъ]».

А это о Бутине:

«Тако ж и о вышеозначенном мореходе ж Иване Бутине тою ж посланною в Сибирскую губернскую канцелярию промеморию об[ъ]явлено и мною засвидетельствовано ж, что и он, Бутин, счисляетца мореходом же, и во всю бытность нашу в прежней экспедиции был он безотлучно в Охоцку и на Камчатке, переменяясь, когда помянутой Треска ходил на Камчатку, тогда оной Бутин был в Охоцку. И трудов и ево, Бутина, довольно было, а не бегивал. Но токмо какой ему оклад денежного жалован[ъ]я учинен, такого известия в Якуцкой воеводской канцелярии не сыскано. И для того о том по какому окладу дават[ъ] ему денежное жалован[ъ]е, требовано от Сибирской губернской канцелярии определения. И при том сообщено ж мое мнение, что и ему, Бутину, за показанной ево труд заслуженное им за прошлые годы денежное жалован[ъ]е выдат[ъ] надлежит по окладу ево, по чему ему прежде определено, ежели такое известие в Сибирской губернской канцелярии имеетца, как он определен мореходом и какой ему оклад учинен. А хлебное против означенного ж морехода Трески окладу ржи по пяти четвертей, соли по два пуда на год, понеже о том хлебном жалован[ъ]е и въ Якуцкой воеводской канцелярии известие имеетца» [РГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 19, л. 12–13].

А это уже 1738 год.

О ТРЕСКЕ

«Да по указу ж де блаженные и вечностойные памяти Его Императорского Величества из Сибирской губернской канцелярии февраля 12-го дня 728-го году помянутой **мореход Треска с товарищи написаны беглыми служилыми людьми**, которым велено быть по Якуцку в службе. И по тому де указу

с того 728-го году оные бывшие мореходы Треска с товарищи написаны беглыми служилыми людьми, которым велено быть по Якуцку в службе и в окладах денежного жалован[ь]я съ якуцкими служилыми людьми в равенстве. А понеже хотя по указу он, Треска, беглым и служилым и написан, токмо он не беглой и казачей службы по городу Якуцку не служивал, а служил морскую службу. И в бытность нашу в прежней экспедиции в 725-м году означенной мореход Треска посылан был от Якуцкой воеводичкой канцелярии на Камчатку от Охоцка морем с прикащиком Стефаном Трифановым, а оттуда возвратился в Охоцк в 727-м году. И после того всегда безотлучно был в команде нашей до окончания экспедиции, до самого отбытия нашего из Охоцка в Санктпетербург до августа месяца 729-го году и исправлял положенное на него дело, в чем могу я, и не токмо я, но и все служители, бывшие в прежней экспедиции, засвидетел[ь]ствовать в том, что он, Треска, в помянутых годах был на Камчатке и в Охоцку в службе безотлучно, о чем и въ Якуцкой канцелярии известно. А хотя он, Треска, на вышеоб[ъ]явленной оклад определен и от бывшего сибирского губернатора князя Гагарина, токмо не в казачью службу, но в морскую с прочими мореходами к самому нужному сысканию, а имянно для проведения прямо ходу чрез Ламское и Пенжинское моря на Камчаткой Нос, что и тогда оной морской путь сыскать весьма был надобен, которой он и проведаль. И как всем здесь известно, что он, Треска, до присылки туда штурманов первый человек морем прошел на Камчатку с прикащиком Козмою Соколовым и показал ход другом».

О БУТИНЕ

«А прошлого ж 737-го году по прибытии моем в Охоцкой острог вышеереченной Бутин октября 3-го дня поданным ко мне доношением об[ъ]явил: **в прошлом де 1718-м году указом Ея Императорского Величества взят он от города Архангелского в Сибирскую губернию и послан на Камчатку для походов на морских судах в мореходы.** И служил на судах в походех с камандующими камисарами, а имянно в 724-м с Федором Шелковниковым, в 725-м с Офонас[ь]ем Жирновым, в 728 и в 729-м при Камчаткой экспедиции, а в 730-м с Васильем Шестаковым, в 731-м с Иваном Уваровским, в 732-м и в 733-м с дворянином Иваном Эверстовым, в 734-м с мазором Мерлиным, в 735-м с мазором Павлуцким, в 736-м годах от Охоцкого правления послан был на

судне «Фартуне» и прибыл обратно в прошлом 737-м году в Охоцкой острог благополучно».

О НИХ

«...по указу Ея Императорского Величества ис Правител[ь]ствующаго Сената морским служителем и мореходам, имеющимся в Сибире, повелено быть в команде экспедиции, а денежного и хлебного жалованья по окладом их они не получали за многие годы, а имянно Никифор Треска с прошлого 727-го году по 736-й год денежного по сороку по пяти рублей, хлебного по сороку пудов, Бутин с 723-го по прошлой же 736-й год денежного по тридцати по пяти рублей, хлебного по несколку юфтей на год, отчего они, мореходы, пришли в немалое оскудение. И для такой их нужды выдал он, капитан Шпанберх, на пропитание им в число годовых их окладов по нескол[ь]ку пуд хлебного жалован[ь]я, да Треске денежного за четыре месяца пятнадцать рублей» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Ч. 1. Л. 208–213].

В итоге и Треска, и Бутин были включены в состав Второй Камчатской экспедиции.

Иван Бутин участвовал на боте «Большерецк» в морской экспедиции в Японию.

Никифор Треска был оставлен при Охотске.

Последние упоминания о славном архангелогородском мореходе Иване Бутине мы находим в составе уже промысловых экспедиций в Русскую Америку, в которых он начал принимать участие на старости лет:

«САМСОН и АННА» (1747—49)

Передовик посадский Дан. Соснин, **мореход отставной шкипер Охотского порта Бутин** и при них согласником Ст. Попов.

Всей команды 46 чел. в том числе 33 камчадала. По выходе 26 авг. из р. Камчатки, шитик вскоре подошел к о. Медному. Как для промыслов и здесь было довольно зверя, то несмотря на запрещение, престарелый мореход предпочел оставаться на Медном, чем рисковать идти на поиски неведомых земель. Шитик введен в гавань на северо-восточной стороне острова, где он простоял спокойно два года* (*Гавань с того времени носит название Всевидова, от имени Тотемского купца Андрея Всевидова, прикащика Рыбинского, который за отсутствием хозяина правил его делами в Сибири и отправлял суда на промысла. Самая компания обыкновенно называлась Всевидовской).

Шитик возвратился в Камчатку 25 июля 1749 г., и на нем привезено промыслов: бобров и маток 860, кошколов 100, медведков 100, хвостов бобр. 860, песцов голубых 2,110, на 52,590 р.

Выдел в казну 10-й части произведен 7-го сент. на 598 р. 94 к. и дано разрешение компании опять идти в вояж».

«БОРИС и ГЛЕБ» (1749—50) компании Н. Трапезникова.

Передовщик Трапезников, **мореход шкипер Бутин**, ясачный казак сборщик казак Сила Шевырин. Всей команды на шитике было 23 человека, в том числе 12 камчадалов.

Компанионами были: купец Тюзнев, посадский Беляев, казаки Низовцов, Козлов, Род. Дурнев, Яцкой и несколько цеховых.

Судно строил на р. Камчатке Ив. Хотунцевский (швед Мальцган) из половины пая, а мастеровые 8 русских и 8 камчадалов, производившие постройку с 27 апр. по 10 авг. 1749 г. получали в день по 80 к.

Трапезников вышел в море в окт. и возвратился в Камчатку в 1750 г. О походе рапорта не подано; известно только, что он был на Беринговом острове и судя по собранным ясакам на Ближних [Алеутских островах].

Сверх ясака, а также выдельной в казну 10-й части, весь промысел по оценке в Нижнекамчатске стоил 9,127 р.».

«БОРИС и ГЛЕБ» (1751—52) компании Трапезникова.

Построенное в 1749 г. Мальцганом судно отправлено теперь во второе путешествие под **командою морехода Бутина**; казак Сила Шевырин отправлен на нем за сбором ясаков.

Шитик поворотился в Камчатку 16 авг. 1752 г., но о походе рапорта не подано.

Из упромышленных 1,920 бобров на 105,730 р. выделена 10-я часть на 1,165 руб. и получено 15 ясачных бобров» [А. Полонский (рукопись «Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год.», Архив Русского Географического Общества, р. 60, оп.1 №2)].

И последнее: при крещении камчадалов архангелогородец Иван Бутин оставил свою фамилию своим крестным детям-камчадалам.

В 1904—1905 годах японцы, пользуясь военными успехами в Порт-Артуре и Цусимском сражении, попытались превратить Камчатку в свой «рыбный» трофей, высадив здесь десант на устье реки Озерной вблизи камчадальского селения Явино.

На Камчатке в это время не было никаких военных формирований. Но сами жители организовали народное ополчение, среди которого были и прямые потомки крестников морехода Ивана Бутина.

Вот их имена:

Бутин Василий Иванович (1877), с. Явино

Бутин Василий Лукич (1878), с. Явино

Бутин Иван Ефремович (1874), староста с. Голыгино, награжден серебряной медалью «За усердие»

Бутин Максим Ефремович (1876), с. Явино

Бутин Михаил Ефремович (1871), с. Явино

Бутин Петр Ефремович (1870)

Сергей Иванович ВАХРИН

родился 15 июля 1954 года в селе Тиличики Олюторского района Корякского национального округа Камчатской области. В 1975 году окончил филологический факультет Камчатского государственного пединститута. С 1999 года член Союза писателей России. В настоящее время является одним из организаторов Камчатского межрегионального фестиваля «Камчатка-Россия-Мир», который в 2026 году посвящен 310-летию открытия морского пути на Камчатку и начала экспедиционного освоения Россией северной части Тихого океана (Северной Пацифики). Живет в г. Елизово Камчатского края.

